

Иван ДРАЧ:

Все зависит
от человека

Стихи Ивана Драча всегда неожиданны: пересказывать поэзию — дело неблагодарное. Скажу только, что мысль и чувство, сопрягаясь в его строчках, создают уникальное поле напряжения, и оторваться от его книги трудно. В искусстве и жизни Драч — не созерцатель, он должен действовать, вмешиваться, кипеть, гореть и взрываться. Как он пишет? Лучше всего на этот вопрос ответил сам поэт. «От меня убежал карандаш. От меня убежала авторучка. Осталось писать кровью». Эти стихи — из сборника «Зеленые врата», вышедшего в издательстве «Советский писатель». Книги сильной, выстраданной, прочувствованной, в которой национальные мотивы соединились с интернациональным пафосом, проникновенная лирика — с интонациями трибуны.

не: представлена ли там украинская литература, знаком ли американский читатель с наиболее интересными именами вашей республики?

— В Лос-Анджелесе в рамках взаимобмена США — СССР проходила выставка «Украинская ССР». Масса экспонатов, рассказывающих о развитии науки, техники, культуры... На стендах можно было увидеть книги американских авторов, вышедшие во всех ведущих украинских издательствах: и Фолкнер, и Хемингуэй, и Капоте, и Селинджер, сборники, антологии. Жаль, что рядом не был поставлен стенд с большим вопросительным знаком. Этот знак относился бы к американским переводам с украинского. Что они перевели в последнее время? Практически ничего. Ни современной литературы, ни классики: не существует приличных переводов Шевченко, Франко, Леси Украинки... Не говоря уже о Тыныче и Гончаре. В более привилегированном положении в этом смысле русская литература, но переводят тоже очень немногие. Сам я являюсь одним из немногих исключений: в Нью-Йорке вышла книга моих стихов с предисловием и под редакцией Стенли Кьюница, с которым мы встречались в США и у нас — в Москве, в Киеве. В моих стихах он услышал что-то интересное для себя и занялся организацией их перевода. Естественно, я ему благодарен за это. Но есть один не очень приятный штрих: издатели в примечаниях и комментариях не удержались от некоторых антисоветских моментов. А в обстоятельном и интересном предисловии сам Кьюниц не преминул сообщить следующее: «В его музыке я услышал мотивы, отличные от тех, что звучат в России». Казалось бы, естественно, что мотивы поэзии украинского автора отличаются от мотивов русских поэтов. Но это подчеркивается, выделяется, выносятся в аннотацию книги! И читатель начинает рассматривать написанное уже под определенным политическим углом, читать «между строк». Станный и неприятный для автора подход.

— Вас сейчас называют одним из самых современных поэтов. Какие стихи вы сами считаете современными? Что вкладываете в это понятие?

— Часто рассуждающие о поэзии берут на себя смелость и объявляют: стихи Андрея Вознесенского — современные! Стихи Юрия Кузнецова — современные! Стихи Давида Самойлова — современные! Мне нравятся многие стихи этих авторов, это хорошие поэты. Современные их стихи? Безусловно. Как и стихи моих земляков: Дмитра Павлычко, Бориса Олейника, Микола Винграновского, армянина Паруйра Севака, латыша Ояра Вацетиса, молдаванина Григора Виеру... Современные по дыханию языка, по образному мышлению. Но разве несовременен Микола Бажан, который не так давно завершил свои блестящие «Ночные концерты»? Или наш безвременно ушедший, малоизвестный пока широкому всеобщему читателю Василь Мысык? Поэзия касается вечных проблем, и если это действительно поэзия, она всегда современна. «Сонеты» Шекспира архисовременны. Простота образного мышления, доходчивость сочетаются с необычайной концентрацией мыслей и чувств. Мы недавно говорили на эту тему с моим давним другом, прекрасным балкарским поэтом Кайсыном Кулиевым, он тоже считает, что поэт должен заниматься вечными вопросами, но использовать при этом способы современного мышления, облекать свои размышления в современную оболочку. И, конечно, поэзия необходима искренности, умение выдохнуть в стихах всю свою душу.

— «Выдыхая» в стихах свою душу, поэт, естественно, рассказывает на ответное движение души читателя, на внимание и интерес к своей работе. Между тем, на мой взгляд, интерес к поэзии за последнее время у какой-то части читающей публики, особенно молодой, снизился. С теми же сонетами Шекспира многие юноши и девушки знакомы лишь в интерпретации Аллы Пугачевой...

— Это крайне тревожно, если для кого-то Шекспир начинается и кончается в эстрадном исполнении. Или вообще Шекспир кончается на сонетах. В этом смысле вообще наблюдается очень беспокоящая тенденция. Я как-то оказался в составе комиссии, которая проверяла работу по эстетическому воспитанию в школах города. Нас вооружили вопросником, который предусматривал получение сведений о том, сколько за год по школе посещений кружков, сколько учащихся ходят на занятия хора и т. д. Я подготовил свои вопросы: по украинской литературе, по русской литературе, по кино, по музыке, по театру и по изобразительному искусству. И вот что было показательно: когда я спросил, у кого есть магнитофоны, почти все подняли руки, разговор о

современной музыке вызвал самый живой интерес и показал общую осведомленность. А вот разговор о современной поэзии — украинской и русской — у нас не получился. Знали, конечно, имена того же Вознесенского, Евтушенко, но мало кто мог назвать, вспомнить что-то из их стихов. Когда говорили об украинской поэзии, то путали сатирика Степана Олейника с лириком Борисом Олейником. Рядом со школой театр оперы и балета — никто не смог сказать, какие там спектакли в репертуаре. Больше всего меня поразило, что из всех школьников этих трех выпускных классов, с которыми я разговаривал, только одна девочка смогла назвать мне три работы Леонардо да Винчи! Больно видеть такие провалы в эстетическом воспитании нашей молодежи. Оправдать это нечем. И незачем. А ведь школа имеет огромные возможности влиять на духовный рост человека. Другое дело — насколько высок сегодня уровень самих учителей. К сожалению, часто этот уровень не кажется достаточно высоким.

— Подобные издержки в эстетическом воспитании ведут к серьезным нравственным потерям. Судя по вашим стихам, вы немало размышляете об этом.

— Много вокруг таких людей, которые словно живут последний день, и главное их стремление — все схватить, не упустить ничего. Я действительно об этом много думаю. О доброте, о совести. Этими понятиями жила и должна жить поэзия.

— Тем не менее положение художника, как и любого человека на земле, за последние десятилетия резко изменилось. Угроза ядерной войны заставляет пристально вглядываться в будущее, внимательно анализировать настоящее и прошедшее.

— Действительно, ситуация, в которой находится современный художник, совершенно уникальна. Мы стоим перед угрозой уничтожения человека как вида, гибели планеты в целом. И требования к современному художнику огромны. Он должен даже не говорить, а кричать об этой угрозе, будоражить каждого человека, вызывать к совести. Все в этом мире зависит от человека. Другого рычага, чтобы повернуть мир в лучшую сторону, у нас нет.

Часто кажется, что современная поэзия даже в лице самых талантливых своих представителей не имеет мужества или мудрости, или недостатка ей силы повсюду, могуче вести разговор о вещах самых кардинальных, спорить талантливо, возмущаться огненно, протестовать пламенно, утверждать достойно и оригинально.

Как это ни высокопарно звучит, мы находимся на самой передовой позиции. И проиграть эту битву за лучшее в человеке не имеем права.

Беседу вел
А. ЮРИКОВ,
наш спец. корр.

КИЕВ.

Киев, залитый весенним солнцем. Мой собеседник — лауреат Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко Иван Драч. Нить разговора уходит нас в прошлое, в детство поэта.

— Когда я думаю, откуда что появилось во мне, я должен прикоснуться к своему родному краю, откуда я произошел, — говорит Драч. — Это юг Киевской области, глубинка, где живо дыхание вековой истории, где слышится эхо Киевской Руси: Рось, Роська, Росишки, скоморошки. Таково одно важное для моей судьбы обстоятельство. А второе то, что я из детей войны. На моей памяти и вход немцев в село, и их изгнание...

Мальчишкой я застал то время, когда люди еще жили старинными верованиями, по селам ходили нищие со своими песнями и псалмами. Я помню появление кобзаря, его игру, словно переносившую во времена Сковороды или Хмельницкого. Помню народные игры типа «Коляды», «Варвары», когда собирались вместе парни и девушки, пели, веселились, как их деды и прадеды. Конечно, все это влияло на душу ребенка, она жадно впитывала все эти корневые вещи.

Эти корневые основы бытия — любовь к земле, к хлебу, к роднику и кринице, из которых ты пьешь воду, к матери — должны войти в тебя в детстве. Из этих простых вещей состоит калейдоскоп жизни, и как бы она ни складывалась, основы остаются основами. Это как ноты, из которых потом можно сложить сложнейшую симфонию.

Оттуда, из детства, и сложного, и тяжелого, должно быть, драматическое восприятие жизни, поиски в каждой банальной на первый взгляд ситуации драматизма. Оттуда же, из детства, свет доброты, который сопровождает меня всю жизнь. У меня было две бабушки, к которым поочередно меня забрасывали родители, уходя на работу. Одну бабушку звали Корупчиха, это был символ удивительной народной доброты, тихой, непоказной. Любый конфликт, ссору она стремилась загладить, смягчить. Не могу забыть, как в день, когда я уходил в армию, она принесла мне потерянный рубль, сбереженный для этого случая, и дала мне его со словами: «Прогодишься на черный день». Я долго хранил этот рубль как своеобразный талисман. У нас в селе был, помоему, только один человек, которого бабушка Корупчиха ненавидела, — это была моя другая бабушка, баба Маройка. Образованная женщина, в свое время послушница Киево-Печорской лавры, она являлась представителем совершенно другого типа доброты. Воинственная, резкая, требовательная доброта. Бабушку Маройку боялось все наше село. Когда что-нибудь случалось, кто-нибудь что-то воровал или ночевал в чужой хате, она уже стояла у двора виновника и стыдила его. Полчаса крика, все село это слышало. Она была воплощением совести села. Представители этих двух типов доб-

роты страшно ненавидели друг друга, и если Корупчиха свою ненависть скрывала, то Маройка высказывалась вполне определенно. Для меня это стало открытием — что есть два типа доброты, и они могут быть так непримиримы. И до сих пор я ощущаю в своих взглядах, поступках влияние своих бабушек.

— Из этого рассказа понятно, под влиянием чего формировался ваш характер. А как рождался поэт Иван Драч? Помните вы свое первое стихотворение?

— Первое свое стихотворение я написал в седьмом классе. Как оно родилось? Наш учитель русского языка и литературы Иван Михайлович Гнидок писал стихи и печатал в районной газете. Как-то мы с ним поссорились — это бывает у учителя и ученика. Он был неправ, видимо, чувствовал это и, чтобы найти путь к примирению, подождал меня и говорит: «Иван, я написал стихи». Начал читать, мне стихи понравились, захотелось самому попробовать. Поначалу это была своеобразная игра со словом, а дыхание музыки, так необходимое стихам, жилось во мне с ранних лет, наверное, передалось от матери, которая любила цепкое, точное слово. Я написал стихотворение «Мы за мир!» и послал в районную газету. Школьную стенгазету, как мне казалось, я уже перерос. Стихи напечатали, первым их прочел Иван Михайлович с газетой прибежал на поле, где мы играли в футбол. Спустил много лет, в Америке, проходя по Уолл-стрит, я вспомнил, что еще в седьмом классе начал воевать с этой улицей — в своем первом стихотворении в духе времени обрушился на «заправил Уолл-стрита».

— Насколько я знаю, ваши впечатления о встречах с Америкой вылились в книгу «Американская тетрадь», которая выходит сейчас в издательстве «Советский писатель». Поэтому задам вам лишь один вопрос, касающийся впечатлений об этой стра-